

Проект

История семьи Кусовых в истории ММК

«ММ» начинает серию материалов о ранее «неизвестных героях» градообразующего предприятия

В конце прошлого года «Магнитогорский металл» совместно с музеем ОАО «ММК» запустили совместный проект «История ММК – история твоей семьи».

Начался он с того, что однажды, перебирая архивы музея, его сотрудники наткнулись на десятки фотографий работников предприятия, на которых не указаны фамилии. «Безымянные» фотографии были опубликованы в нашей газете. Горожанам, узнавшим на портретах своих родственников, близких, друзей или просто знакомых, предлагали рассказать о них, тем самым не только устранив белые пятна истории комбината, но и пополнив её новыми фактами. И горожане откликнулись. Теперь «ММ» начинает серию материалов о ранее «неизвестных» сотрудниках ММК.

**Глава первая:
Никита Фёдорович Кусов**

Даже сегодня, рассказывая о своём отце, Светлана Ваганова заметно взволнована. А что было, когда узнала отца на фото в газете! Несколько дней трясло, словно в лихорадке, плакала, вспомнив свою жизнь рядом с ним. Собственно, как получилось, что он оказался среди безымянных «эмэмкашников» – непонятно: всю жизнь Никита Фёдорович работал в локомотивном цехе комбината. Работал хорошо: двигалась карьера, фото не сходило с доски почёта, даже после ухода на заслуженный отдых пользовался уважением коллектива – приглашали на праздники, ходил провожать соратников в последний путь. А в 2005-м провозили в последний путь самого Никиту Кусова. Светлана Никитична вспоминает: «Народу к нему пришло! Видать, не одно сердце согрел своей дружбой».

Он родился в 1920 году в Пржевальском районе Киргизской ССР – недалеко от легендарного озера Иссык-Куль. Через не-

сколько лет родителей раскулачили и сослали на Магнитострой. Здесь Никита Фёдорович окончил семилетку ФЗО и начал работать кочегаром, потом стал помощником машиниста. Всю войну и три года после неё прослужил в железнодорожных войсках. Закончив службу в городе Серов – оттуда же привёз в родной Магнитогорск невесту Галину Семёновну, с которой душа в душу прожили 56 лет. Он пережил её всего на полтора года.

– Отец был рослым, видным, а мама при нём маленькая совсем, – вспоминает Светлана Никитична. – Главой в семье, безусловно, был папа, но мама исподволь мудро управляла им.

От своих родителей переняв хорошие гены основательности, к работе Никита Фёдорович подходил строго и ответственно. После войны ему предлагали остаться в Серове – но он вернулся в Магнитку. Здесь звали работать на метизный завод – но он вернулся в родной локомотивный цех. Особая гордость того поколения – две записи в трудовой книжке: принят на работу – уволен в связи с выходом на пенсию. Правда, в его случае ещё были записи о карьерном росте: кочегар, помощник машиниста, машинист, старший машинист. В последней должности передавал опыт молодому поколению – и строго отчитывал подопечных и за грязную форму, и за беспорядок на рабочем месте.

Таким же был дома: добытчиком, работающим и хозяйственным, заботливым к своим девочкам – в семье подрастали две дочки. В будни работал, в выходные любил выехать на рыбалку и охоту, много свободного времени проводил в саду, которым семья обзавелась в 1954 году. В отпуск ездили в дом отдыха на Банном, выезжали и к Чёрному морю. Из других элементов зажиточности

– личный транспорт: по молодости велосипед, потом мотоцикл с коляской. Дошло и до автомобиля – свой «горбатый» «Запорожец» он очень любил. А в 1975-м горисполком выдал ему разрешение на приобретение «Лады 2103» – неслыханная по тем временам роскошь.

В семье его любили и уважали. Светлана Никитична вздыхает: её поколение родителей своих почитало больше, чем нынешнее. Тогда было понятие – клан, общие праздники и единое хозяйство. Теперь же молодым хочется всего своего: ни жить с родителями не хотят, ни даже в саду огородничать. Но она не ропщет: меняется жизнь, что ж поделаешь.

Пройдя всю войну простым рядовым, Никита Фёдорович и в жизни был солдатом: за чинами не гнался, делал свою работу на совесть и того же требовал от других. О войне вспоминал часто – вечерами любил рассказать какой-нибудь случай. У Светланы Никитичны на глазах выступают слёзы:

– Помню, всё отмахивались: пап, ну сколько можно об этом! Глупые были, не понимали, что самое важное пропускаем. Сейчас бы за такие разговоры многое отдала...

Вырастив дочерей, выдал их замуж, помогал растить внуков, потом дождался правнуков. И всё время говорил: «Мне бы до 60-летия По-

беды дожить – а там и умирать можно». Так оно и случилось.

✍ Рита Давлетшина

Светлана Ваганова

© Евгений Ружмаев

Память

Отчий дом

Заслуженный работник культуры РСФСР, ветеран Магнитки Ольга Никифоровна Золотова (на фото) двадцать лет руководила коллективом библиотеки строителей.

Предлагаем читателям «ММ» фрагменты её воспоминаний, относящихся к началу тридцатых годов. Это рассказ о детстве ветерана, чей трудовой путь начался на Магнитострое,

который стал для неё второй родиной.

«Мой отец, уроженец деревни Екатериновка в Татарии, участник первой мировой войны, в плену провёл четыре года. Хозяин-немец сразу приметил сметливого работника и принял его в батраки.

С возвращением на родину отец стал приводить своё хозяйство в порядок. Старый родительский дом требовал основательного ремонта. Поэтому отец был вынужден нанимать работников, чтобы обеспечить достойный уровень жизни многодетной семьи. На диво всей деревни родители обработали земельный участок на заливных лугах, собирая обильный урожай. У дома разбили садовый участок с

фруктовыми деревьями. Излишки урожая продавали на базаре и копили деньги, чтобы начать строительство нового дома. Зимой отец привозил издалека по одному-два брёвнышка строительного леса. Не сразу и с большим трудом выстроил дом-пятистенок.

Но пришло время, и завистливые соседи назвали его «первым кулаком в округе», обвинили в неуплате продналога, раскулачили. Семью посадили на телегу и отправили в ссылку...

Свой отчий дом, названный Магниткой, я начала строить в 1931 году, когда моих родителей, с шестью детьми, привезли сюда в телячьих вагонах и высадили в суровой уральской степи. Помню, как нас разместили в палатках, в которых и зимовали, согреваясь лишь у печки-буржуйки. Мучил голод, но кушать было нечего.

Маленькие братики так и умерли с просьбой: «Дай молока». Отец разучился тогда смеяться...

Через год нас перевели в новый барак, но без крыши. Нас, детей, уложили на полу, накрыв клеёнкой, чтобы не мокли. К концу первой ночи отец из каких-то щитов построил нору-убежище, мы там дыханием грели друг друга.

Скоро отец добился получения двух метров на нарах обжитого барака. Это была первая победа родителей в борьбе за выживание. Но кормить детей по-прежнему было нечем.

Отец вспомнил, как в плену он вырезал детские игрушки из деревянных брусков. Эти поделки мама меняла у вольных рабочих на продукты.

Постепенно спецпереселенцев разместили в посёлках, где имелись комендатуры, пристально следив-

шие за ссыльными. Ежедневно в шесть утра звучал пронзительный гудок, извещавший о начале работы. Люди поднимались полуголодные, оставив детей одних, шли цепочкой строить завод.

В двенадцать лет я уже помогала семье, нанявшись няней в семью инженера. Вставала рано утром, топила печь, ухаживала за ребёнком, стирала.

Шло время, в бараках разрешили отгораживать комнаты. В посёлке построили клуб, где работали драматический и хоровой кружки и проводились вечера танцев. Разбили парк культуры и отдыха, где «крутили кино» и играл духовой оркестр. В посёлке исчезли комендатуры и ненавистный конвой.

Теперь мы учились жить и работать по-новому....»

✍ Подготовил Валерий Ефимов, краевед